

БОЖЕСТВЕННЫЙ КАРАНТИН. КОЛЫБЕЛЬ

ИВАН МИШИН

Божественный карантин

Иван Мишин

Божественный карантин. Книга 1

«Автор»

2026

Мишин И.

Божественный карантин. Книга 1 / И. Мишин — «Автор»,
2026 — (Божественный карантин)

Артур — суровый наемник эпохи Крестовых походов, давно потерявший веру. Во время штурма Иерусалима ослепительная вспышка переносит его в далекое будущее — на борт гигантской стерильной станции «Лазарь». Люди этого века победили болезни и старость, но совершили роковую ошибку. Изучая внеземной артефакт, они выпустили космическую чуму. Безупречный комплекс охвачен карантинном, а его изнеженные обитатели стремительно мутируют в безжалостных тварей. Высокие технологии бессильны перед древним злом. Единственной надеждой искусственного интеллекта станции становится Артур. Его иммунитет, закаленный грязью и инфекциями Средневековья, оказался абсолютно неуязвим к заразе. Взяв в руки плазменный меч, наемник начинает новый крестовый поход по стальным коридорам. Ему предстоит выжечь скверну и решить, заслуживает ли спасения цивилизация, забывшая свою родную Землю.

© Мишин И., 2026

© Автор, 2026

Иван Мишин

Божественный карантин. Книга 1

ЧАСТЬ I — ПОГЛОЩЕННЫЙ СВЕТОМ

Глава 1 — «Пыль Иерусалима»

Солнце здесь не грело, оно наказывало. Оно выжигало саму суть, превращая пот в едкую соляную корку под раскаленной кольчугой, которая теперь весила, казалось, целую тонну. Я оперся на рукоять меча, тяжело втягивая воздух, густо пропахший медью, дерьмом и горелым мясом. Осада длилась достаточно долго, чтобы я забыл, как пахнет чистая вода или свежеспеченный хлеб. Мы стояли у стен крепости в Святой земле, но святости в этом кровавом месиве было не больше, чем в гниющем брюхе бродячей собаки.

К своим тридцати пяти годам я повидал немало войн. Фландрия, Бургундия, теперь вот эти проклятые пески. Я был наемником на службе ордена, профессиональным убийцей, продавшим свой меч и навыки тем, кто щедро платил серебром и громкими обещаниями отпущения грехов. Но сейчас, стряхивая чужую кровь с латных рукавиц, я ловил себя на мысли, что окончательно потерял понимание того, зачем мы вообще здесь воюем.

Сарацин вынырнул из едкого дыма с диким гортанным криком. Его кривой клинок метнулся к моей не защищенной шлемом шее. Я не думал. Тело сработало само, на жестких рефлексах, вбитых годами выживания. Я чуть повернул корпус, пропуская лезвие буквально в дюйме от лица — так близко, что ощутил рассеченный горячий воздух и смердящую вонь из рта врага. Перенеся вес на переднюю ногу, я коротким, экономным движением вогнал свой тяжелый полуторный меч ему под ребра, снизу вверх, пробивая кольчужное плетение и плоть с отвратительным влажным звуком.

Инерция моего удара заставила его насадиться на клинок еще глубже, его темные глаза расширились от болевого шока. Я резко повернул кисть, с хрустом ломая ребра, чтобы широкое лезвие не застряло в костях, и выдернул сталь. Враг рухнул на песок, захлебываясь кровавой пеной, а я уже смотрел дальше сквозь прищур, ища новую угрозу. Я убивал механически, на чистом мышечном автоматизме, без ярости берсерка и без святой радости праведника. Просто еще один кусок мертвого мяса на алтарь бесконечной войны, в которой я давно перестал видеть хоть какой-то великий замысел.

Я не сомневался, что Господь существует. Лишь полный слепец или глупец, глядя на сложность устройства мира и бесконечное звездное небо над пустыней, скажет, что все это возникло из ниоткуда. Но, глядя на то, как выпущенные человеческие кишки дымятся на раскаленном камне, а люди топчут друг друга в грязи ради куска обрушенной стены, я все чаще задавал себе вопрос: неужели Ему *действительно* нужно именно это? Неужели Всевышний, создавший океаны и твердь, сидит на небесном престоле и благостно радуется, глядя, как Его творения рубят друг друга в капусту?

Чуть в стороне, припав на одно колено прямо в кровавую жижу, смешанную с мочой и пеплом, исступленно молились молодые крестоносцы. Их лица, еще гладкие, не обезображенные глубокими шрамами и страшными ожогами, светились фанатичной экзальтацией. Они крестились дрожащими от напряжения руками, вознося хвалу небесам и прося у Бога сил для новой кровавой жатвы. Я смотрел на них, и внутри меня не шевелилось ничего, кроме глухой, липкой, всепоглощающей усталости. Через час половина из этих святых юнцов будет гнить в этой канаве с разрубленными черепами, а их горячие молитвы станут лишь кормом для пустынных мух. Я достал почерневшую от времени ветошь и принялся методично стирать жир и кровь с лезвия. Сталь нужно беречь. Она куда надежнее любой молитвы, когда в грудь тебе летит тяжелое рыцарское копьё.

Ночью лагерь остыл, сменив адское дневное пекло на пробирающий до костей пустынный холод. Костры чадили едким дымом, выхватывая из спасительной темноты осунувшиеся, изможденные лица наемников. Отовсюду доносились хриплые стоны раненых, которым полковые лекари прижигали обрубки конечностей кипящим маслом. Я сидел у огня, равномерно проводя точильным камнем по кромке клинка. Вжик. Вжик. Этот звук успокаивал лучше любого вина.

Рядом с тяжелым вздохом и звоном кольчуги опустился Гюго — старый рубака, у которого не хватало половины левого уха и двух пальцев на руке.

— Слышал, на рассвете погонят на стены, — хрипло бросил он, сплевывая густую слюну в костер, отчего угли недовольно зашипели. — Сразу после заутрени. Приказ самого магистра.

— Значит, завтра черти в преисподней устроят грандиозный пир, — сухо отозвался я, проверяя большим пальцем остроту заточки. Кожа едва заметно надрезалась, выступила алая капелька. Идеально.

Гюго криво усмехнулся, обнажив гнилые пеньки зубов.

— Ты бы поостерегся так говорить, Артур. Отцы-командиры уверяют, что с нами благодать. Что каждый павший здесь сегодня сразу отправится в райские кущи.

Я поднял на него тяжелый взгляд. В моих глазах отражалось лишь тусклое пламя и ледяное безразличие.

— Благодать? Оглянись вокруг, старина. Господь, несомненно, велик и пути Его неисповедимы, но сдается мне, Он давным-давно покинул эту конкретную проклятую землю. Оставил нас барахтаться в нашем собственном дерьме. Если бы Он так сильно хотел вернуть этот город Своей пастве, Он бы не строил его из пыли и прокаженных. Мы здесь одни. И завтра на стене выживет не тот, кто громче всех орет псалмы, а тот, кто быстрее и точнее бьет.

Гюго хмыкнул, доставая потертую кожаную флягу с кислым, щедро разбавленным водой вином. Он сделал долгий глоток и протянул ее мне.

— Утешаешь ты так себе, брат. Прямо скажем, паршиво. Но меч ты держишь крепче многих праведников. Завтра держись рядом со мной.

Утро началось не с молитвы, а с оглушительного грохота огромных каменных глыб, выпущенных из трещин, и протяжного, надрывного рева сигнальных рогов. Финальный штурм. Воздух мгновенно наполнился мелкой дрожью от яростных криков тысяч глоток, слившихся в единый животный вой. Мы пошли на приступ плотным строем, карабкаясь по скользким от свежей утренней крови и кишок деревянным штурмовым лестницам, жадно вдыхая известковую пыль и удушливый пепел.

На самом гребне стены меня встретил град хаотичных ударов. Я отбил тяжелое древко алебарды левым наручем, почувствовав, как болезненно хрустнуло запястье, и рубанул наотмашь. Лезвие с тошнотворным влажным хрустом прорубило чью-то ключицу, уходя глубоко в легкое. Горячая кровь брызнула мне прямо в лицо, заливая глаза и ослепляя на долгие мгновения. Я сделал тяжелый шаг вперед, переступая через бьющееся в предсмертной агонии тело защитника, заноса меч для новой атаки.

И в этот самый миг это произошло.

Небо... вспыхнуло.

Это не было похоже на рассветное солнце или разряд молнии. Это был абсолютно неестественный, ослепительный, невыносимо чистый и мертвенно-холодный белый свет, разом разорвавший свинцовые тучи дыма над полем боя. Он ударил сверху плотным, густым столбом, заливая все вокруг, стирая глубокие тени, превращая грязные детали осады в сплошное, режущее сетчатку белое ничто.

Шум великой битвы мгновенно стих, словно мне в уши залили расплавленный воск. Крики сотен умирающих оборвались на полуслове. Сквозь слезящиеся от рези глаза я увидел, как здоровый сарацин, занесший надо мной окровавленный ятаган, вдруг замер, словно

каменное изваяние. Его измазанное сажей лицо исказилось от первобытного ужаса. Он выронил оружие и пал на колени, судорожно закрывая голову руками. Рядом с грохотом рухнул ниц наш арбалетчик.

— Чудо! — истошно, с надрывом завопил кто-то сзади, его голос дрожал от религиозного экстаза и животного страха. — Гнев Господень сошел на нас!

Но я нутром чуял: в этом проклятом свете не было ничего божественного. Свет становился все плотнее, осязаемее. Он начал гудеть. Я никогда в своей жизни не слышал, чтобы свет издавал звук — низкий, ровный, вибрирующий металлический гул, проникающий прямо под череп, от которого ломило зубы и сводило челюсть.

Я попытался поднять левую руку, затянутую в тяжелую кольчужную рукавицу, чтобы заслонить глаза от этого невыносимого сияния, но мое тело вдруг потеряло всякий вес. Привычная тяжесть доспехов, тянувшая меня к земле последние месяцы, исчезла без следа, словно я оказался под водой. Земля буквально ушла из-под ног, лишая меня твердой опоры. Верный меч выскользнул из внезапно ослабевших, ватных пальцев, но я так и не услышал привычного звона стали о каменные плиты крепостной стены.

Вокруг была только спящая белизна и абсолютный, звенящий в ушах холод. Адская удушающая жара Иерусалима испарилась в одно мгновение, сменившись ледяной, неестественной пустотой, замораживающей кровь в жилах. Я рефлекторно сделал судорожный вдох, но в легкие не попал привычный жаркий воздух с привкусом гари — лишь обжигающий, абсолютно стерильный мороз, пахнувший грозой. А затем мое сознание стремительно померкло, без остатка растворившись в этом проклятом белом сиянии, навсегда унося меня прочь с поля битвы.

Глава 2 — «Белый ад»

Холод. Это было первое, что вернуло меня к жизни. Не тот пронизывающий, честный сырой холод пустынной ночи, к которому я привык, а мертвенный, сухой, глубокий мороз, добравшийся, казалось, до самого костного мозга.

Я открыл глаза и тут же зажмурился от резкой, невыносимой боли. Надо мной горело солнце. Но это было неправильное солнце — безумное, неподвижное, разливавшее вокруг пронзительный, ровный белый свет, в котором не было ни капли тепла. Вокруг царил абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь едва слышным, монотонным жужжанием, похожим на роение сонных осов в жаркий полдень.

Я попытался пошевелиться, но тело отозвалось тяжелой, чугунной слабостью. Я лежал голым на чем-то мягком, но упругом. Попытавшись поднять руку, я тут же наткнулся на преграду. Прямо перед моим лицом находился прозрачный свод. Это было не мутное бычье стекло, не тонкая слюда и не горный хрусталь — этот материал был идеально чистым, без единого пузырька или трещины, и холодным, как лед. Я был заперт в каком-то вытянутом стеклянном гробу или ковчеге.

На самой поверхности этого хрустального щита прямо в воздухе горели ровные зеленые и синие знаки. Они не были вырезаны или нарисованы — чистый свет, застывший в форме непонятных, угловатых колдовских рун. Они то загорались, то гасли, меняя свои очертания с легким металлическим шелканьем где-то в изголовье.

«Преисподняя, — подумал я, и эта мысль отозвалась в груди на удивление спокойно. — Все-таки преисподняя. Или лимб для тех, кто растерял веру среди иерусалимских стен. Но почему здесь так чертовски чисто и пахнет не серой, а грозой?»

Если это был ад, то его обустроивал очень странный демон с явной тягой к порядку и чистоте. Никаких тебе кипящих котлов, чертей с вилами и стенаний грешников. Только белый свет, стекло и этот давящий на уши зуммер.

Я уперся ладонями в прозрачную крышку и надавил изо всех сил. Мышцы, скованные непонятным оцепенением, отозвались резкой судорогой. Я зарычал, вкладывая всю оставшуюся злость в это движение. Вдруг где-то под моим ложем раздался короткий, громкий пшик — словно невидимый великан сделал глубокий выдох. Стекланный свод вздрогнул и плавно, без единого скрипа, отъехал в сторону, исчезая в пазах моего странного ложа.

Я неуклюже перевалился через край и рухнул на пол. Колени подогнулись, и я приложился грудью о холодную поверхность. Пол под моими ладонями оказался удивительным: гладкий, как полированный мрамор в лучших дворцах Рима, но сделанный из какого-то серого, монолитного вещества без единого шва или стыка.

Вокруг простирался огромный чертог. Стены его были ослепительно белыми, ровными, отражающими этот проклятый свет. Ни факелов, ни лампад, ни окон. Сами стены излучали это сияние. Повсюду высились такие же стеклянные гробы, как и мой, но все они были пусты и темны.

Я заставил себя подняться, покачиваясь от слабости. Мой верный полуторный меч, кольчуга, пропитанная потом подросших одежд — все исчезло. Я остался один, наг и беззащитен в этом логове колдунов.

И тут ад решил показать свое истинное лицо.

В одно мгновение ровное белое свечение погасло. Чертог погрузился во тьму, но лишь на долю секунды. Сверху, из круглых стеклянных наростов на потолке, ударил багровый, кроваво-красный свет. Он не горел ровно, а пульсировал, вспыхивая и угасая с равными промежутками времени. Вместе с этим тихий зуммер сменился оглушительным, яростным ревом. Это был звук, похожий на вой сотен боевых рогов, слившихся в единый надрывный набат, от которого задрожали стены и заломило зубы.

Красный свет выхватывал из темноты то, чего я не заметил сначала. Стерильная белизна стен была осквернена. Тяжелые, широкие мазки густой темной крови тянулись по полу и уходили в глубь длинного, прямого коридора. На одной из стен я увидел четкий отпечаток человеческой пятерни, размазанный вниз, словно кто-то цеплялся за нее в смертельной агонии.

— Ну, вот это уже больше похоже на правду, — прохрипел я, сжимая кулаки. — Кровавый туман и крики проклятых. Добро пожаловать домой, Артур.

Мне нужно было оружие. Срочно. Идти с голыми руками против того, что устроило здесь эту бойню, было чистым безумием. Я двинулся вдоль стены, придерживаясь рукой за холодный металл. Возле одного из опрокинутых белых ящиков, из которого вывалились какие-то прозрачные склянки и трубки, я заметил предмет.

Это был тяжелый металлический штырь, похожий на длинный стилет, выполненный из матового серебристого железа. На одном его конце крепилось короткое, узкое лезвие, светившееся изнутри едва заметным синеватым огоньком. Оружие было странным, непривычно легким для своих размеров, но в руке лежало как влитое. Рифленая рукоять не скользила. Настоящий алхимический нож или инструмент для изысканных пыток.

Едва мои пальцы сжали металл, как из коридора донесся звук. Тяжелое, неритмичное шарканье. Словно кто-то волочил за собой сломанную ногу, тяжело вздыхая и всхлипывая.

Я замер, прижавшись спиной к выступу стены, перехватив колдовской стилет обратным хватом. Красный свет пульсировал: вспышка — всё видно, как в пламени костра, затухание — только багровые тени.

Из-за угла вывалилось... существо.

Когда-то оно, несомненно, было человеком. На нем болтались остатки тонкой белой одежды, теперь изодранной и пропитанной черной, почти дегтярной кровью. Но его плоть... Сквозь бледную кожу проступали толстые, пульсирующие фиолетовые жилы, похожие на зловещие корни деревьев, проросшие изнутри. Одна его рука была неестественно вывернута в локте, а пальцы удлинились, превратившись в костяные наросты. Лицо чудовища представ-

ляло собой сплошной кошмар: нижняя челюсть была сломана и свисала набок, обнажая гнилые десны, а один глаз вытек, оставив вместо себя черную пустую глазницу, заполненную шевелящейся биологической массой.

Но самым страшным было не это. Существо подняло здоровый, залитый кровью глаз на меня и... заговорило. Его голос был искаженным, булькающим, пропущенным через хрип разорванного горла, но это были человеческие слова.

— Боль... — просипело оно, протягивая ко мне изуродованную руку. — По... мо... ги... Х-холодно... Спаси...

На мгновение моя рука со стилетом дрогнула. Молитва, старая привычка просить Господа об упокоении несчастных душ, едва не сорвалась с губ. Но многолетний опыт наемника заставил меня разглядеть главное — в его уцелевшем глазу не было разума. Там плескался лишь голодный, животный, абсолютно потусторонний голод. Это была не страдающая душа, это была маска, за которой пряталось нечто иное. Порождение дьявола, захватившее чужую плоть.

Существо резко, со сверхчеловеческой скоростью прыгнуло вперед. Его искалеченные ноги сработали как мощные пружины. Гортанный хрип сменился яростным, торжествующим визгом.

Я сработал на чистой инерции. Чуть присел, пропуская его прожженное безумием тело над собой, и резко ушел вбок. Существо с грохотом врезалось в стеклянный гроб, отчего тот разлетелся на тысячи сверкающих брызг. Не дав ему развернуться, я прыгнул сверху, придавив его коленями к полу.

Абсолютно дикая, чудовищная сила забилась под моим весом. Тварь пыталась достать меня своими костяными пальцами, едва не распоров мне бедро. Я перехватил колдовской нож обеими руками и с глухим рыком вогнал его прямо в основание черепа, туда, где шея соединяется с головой.

Раздался отвратительный, влажный хруст ломающихся костей. Синий огонек на лезвии штыря ярко вспыхнул, и тварь внутри словно закоротило — она забилась в диких, неестественных конвульсиях, выгибая спину дугой. Из раны брызнула густая, зловонная жижа, пахнувшая тухлой рыбой и паленой шерстью. Пару капель попали мне на грудь, обжигая кожу, словно капли кипящего масла.

Я держал рукоять до тех пор, пока существо окончательно не затихло, превратившись в бесформенную кучу мертвой, остывающей плоти.

Я тяжело дышал, стоя на коленях в луже этой скверны. Сердце бешено колотилось в грудной клетке.

— Если это твое небесное воинство, Господи, — прошептал я, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба, — то у Тебя очень странные представления о красоте.

Я выдернул нож из трупа. На удивление, лезвие осталось абсолютно чистым, словно металл сам отторгал грязь.

И тут рев рогов на потолке внезапно прекратился. Наступила тишина, прерываемая лишь моим хриплым дыханием. Багровый свет продолжал пульсировать, окрашивая стены в цвет свежих ран.

Вдруг прямо над моей головой, прямо из глухой железной плиты на стене, раздался голос.

Он не был похож на голос человека. В нем не было дыхания, не было тепла, не было страха. Это был ровный, монотонный, леденящий душу металлический скрежет, идеально выговаривающий слова на моем родном языке, но звучащий так, словно сама смерть решила заговорить со мной.

— *Внимание. Зафиксирована биологическая активность в медицинском блоке седьмого уровня. Объект... не идентифицирован. Обнаружено несоответствие генетического кода теку-

щей эпохе. Введен протокол чрезвычайного положения. Карантинный уровень — максимальный.*

Я подскочил на ноги, выставив штырь перед собой, дико озираясь по сторонам. Вокруг не было никого. Только я и труп чудовища.

— Кто здесь?! — рывкнул я в пустоту, чувствуя, как волосы на затылке шевелятся от первобытного страха перед неведомым. — Покажись, невидимый дух! Ты демон этого места? Или колдун, сотворивший этот кошмар?! Говори, именем Всевышнего, иначе я разнесу эти стены по кирпичу!

Железная плита на стене молчала несколько секунд, словно обдумывая мои слова. Затем невидимый голос раздался снова, чуть изменив свой тон на более низкий:

— *Запрос обрабатывается. Ошибка лингвистической адаптации. Корректировка... Я не являюсь демоном. Я — управляющая система этого комплекса. Вы находитесь внутри объекта Лазарь. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Ваша биологическая структура — единственный шанс на выживание.*

Глава 3 — «Голос в железе»

Слова невидимого духа повисли в стылом воздухе, смешиваясь с тошнотворным запахом горелой плоти и какой-то химической кислоты, исходившей от убитой мной твари. Я тяжело оперся спиной о гладкую белую стену, не выпуская из рук трофейный светящийся стилет. Моя грудь ходила ходуном.

— Объект Лазарь? — хрипло переспросил я, слизывая с пересохших губ каплю собственного пота. — Лазарь был мертв и смердел, пока Христос не вывел его из гробницы. Если это шутка, невидимый дух, то ты выбрал паршивое место для богословских бесед.

Ответа не последовало. Вместо этого стена за моей спиной вдруг едва уловимо завибрировала. В ту же секунду основание моей шеи, прямо под затылком, пронзила острая, ледяная боль, словно туда вогнали тончайшую раскаленную иглу. Я зашипел, инстинктивно схватившись за затылок, и нащупал на коже крошечный, твердый бугорок, которого там отродясь не было. Вероятно, эта дьявольская метка досталась мне от того самого хрустального гроба, в котором я очнулся.

Боль ушла так же быстро, как и появилась, но мир вокруг неуловимо изменился. Звук голоса больше не отражался от стен. Теперь он звучал прямо у меня в голове — холодный, лишенный малейших интонаций, пугающе четкий. ИИ станции устанавливает примитивный перевод через нейроинтерфейс медицинского блока.

— *Процесс нейронного сопряжения завершен. Языковой барьер устранен с допустимой погрешностью,* — проскрежетал голос прямо в моем мозгу. — *Меня зовут Мельхиор. Я — искусственный интеллект, управляющий этим комплексом.*

Я в ужасе отшатнулся от стены, размахивая ножом перед собой, словно отгоняя невидимый рой ос.

— Изыди! — рывкнул я, чувствуя, как по спине струится холодный пот. — Если ты бес, посланный искушать меня, то знай — моя душа давно заложена за долги в трех трактирах Марселя! А если ты ангел Господень, то почему прячешься в железе, как трус?! Покажись!

Голос в голове оставался невозмутимым, словно звон монастырского колокола в зимнее утро.

— *Я не являюсь ни демоном, ни существом божественного происхождения,* — ответил Мельхиор. — *Я — машина. Конструкт из металла и логики. Вы находитесь на территории карантинной зоны. В комплексе произошла масштабная биологическая катастрофа. Неизвестное заражение распространяется по секторам. Процент выжившего персонала стремится к нулю. Выживших почти нет*.

Мой мозг, привыкший к простым истинам военного лагеря, скрипел, пытаясь переварить услышанное. Артур понимает только половину сказанного. Машина? Конструкт? Карантин? Эти слова звучали как какая-то изошренная алхимия. Но суть я уловил предельно ясно: я заперт в огромной крепости, которую пожирает неизвестная чума, и почти весь гарнизон уже мертв.

— Чума, значит, — мрачно подытожил я, опуская оружие и глядя на растерзанный труп у своих ног. — Бывал я в городах, пораженных черной смертью. Там люди тоже чернели и харкали кровью. Но они не отращивали костяные когти и не прыгали, как мартовские зайцы на стероидах. Что за проклятие вы навлекли на это место?

— *Это не проклятие. Это агрессивная форма жизни,* — бесстрастно отозвался голос. — *Согласно моим сканерам, ваша иммунная система демонстрирует беспрецедентную устойчивость к патогену*. *В вашей крови обнаружены антитела, способные подавлять мутацию. Ваша биология — аномалия.*

— Оставь свои умные слова для лекарей, железный дух, — огрызнулся я, вытирая окровавленные руки о бедра, вдруг осознав, что все еще стою голышом посреди этого ада. Моя нагота делала меня невероятно уязвимым, и это бесило даже больше, чем голоса в голове. Я поднял взгляд к потолку. — Я требую ответа! Верните меня туда, откуда забрали! Верните меня в Иерусалим! Я требую объяснить, где я нахожусь, как далеко моя армия, и какого дьявола стены в этом склепе со мной разговаривают?!

Мельхиор выдержал короткую паузу. Если бы машины умели вздыхать, он бы наверняка это сделал.

— *Возврат в указанную вами локацию «Иерусалим» в данный момент физически невозможен. Ваш текущий статус: единственный боеспособный субъект в радиусе поражения. Если вы хотите сохранить свою жизнь, вам придется адаптироваться.*

Я криво усмехнулся.

— Адаптироваться? Я убиваю людей за деньги половину своей жизни. Я спал в грязи, жрал гнилую конину и пил воду из луж, в которых плавали трупы. Мне не нужно учиться выживать у говорящего куска стены. Мне нужны мои доспехи. И мой меч. С этой светящейся зубочисткой я много не навоюю.

— *Ваша амуниция была утилизирована в процессе обеззараживания как биологически опасная.* От этих слов у меня внутри все оборвалось. Мой меч, выкованный старым мастером в Толедо. Моя кольчуга, спасшая мне жизнь добрый десяток раз. Утилизирована. Уничтожена. Ярость горячей волной ударила в голову.

— Ты сжег мой меч?! — зарычал я, в бешенстве ударив кулаком по белоснежной стене, оставив на ней кровавый отпечаток. — Да я выпотрошу эту твою станцию, кусок за куском, пока не найду то место, где ты прячешься!

— Ваша эмоциональная нестабильность неконструктивна,* — ровно ответил голос. — Если вы желаете получить оружие, способное противостоять мутантам, я могу направить вас. Оружейный сектор находится на три уровня ниже. Главные магистрали заблокированы из-за протокола безопасности. Я открываю альтернативный маршрут.*

В ту же секунду стена в дальнем конце залитого кровью коридора вздрогнула. Часть идеально ровной поверхности бесшумно ушла в сторону, открывая провал, ведущий в непроглядную темноту. Оттуда пахло затхлостью, машинным маслом и гудящим напряжением — так пахнет в кузне перед тем, как молот ударит по раскаленному железу.

— Это сервисные коридоры. Они узкие и лишены основного освещения, но в них минимальная концентрация зараженных, — произнес Мельхиор в моей голове. — Следуйте по световым указателям. И постарайтесь не умереть по пути. Ваш генетический материал слишком ценен.

Я посмотрел на темный зев прохода, затем перевел взгляд на светящийся клинок в своей руке. У меня не было выбора. Без брони и нормального оружия я был лишь куском свежего мяса для этих тварей.

— Значит, теперь ты мой проводник по преисподней, Вергилий? — мрачно хмыкнул я, шагнув в сторону открывшегося туннеля. Холодный гладкий пол обжигал босые ступни. — Ладно, железный дух. Веди меня к своим арсеналам. Но если это ловушка, клянусь всеми святыми, я найду способ заставить твои стены истекать кровью.

Я глубоко вдохнул спертый воздух комплекса и шагнул во тьму сервисного коридора. Позади меня тут же с легким шипением закрылась дверь, отрезая путь к отступлению. Во мраке прямо под моими ногами загорелась тусклая синяя полоса, уходящая вглубь станции.

Я крепче сжал рукоять странного оружия, чувствуя, как пульсирует чужая кровь на моих руках. Мой новый крестовый поход только что начался, и на этот раз у меня не было ни знамен, ни братьев по оружию. Только шепот железа в голове и абсолютная уверенность в том, что Господь решил подвергнуть меня самому изощренному испытанию в моей жизни.

Глава 4 — «Мертвые в белом»

Узкие коридоры оказались похожи на смердящие, темные кишки огромного железного левиафана. Я пробирался вперед, ступая босыми ногами по холодным металлическим решеткам, под которыми переплетались толстые жилы проводов и труб, гудящих от скрытой внутри неведомой силы. Воздух здесь был спертым, пахло горячей пылью и горелым машинным маслом — запахом, отдаленно напоминающим кузню перед тем, как подмастерья раздуют меха. Тусклая синяя полоса света вела меня сквозь мрак, пульсируя, словно бьющееся сердце этого железного духа, Мельхиора.

Шел я медленно, перенося вес с пятки на носок, как учил меня старый наставник в Бургундии. Голое тело делало меня до смешного уязвимым, и каждый сквозняк заставлял мышцы непроизвольно сжиматься. Светящийся колдовской стилет я держал перед собой, готовый в любую секунду вогнать его в темноту.

Синяя нить оборвалась у массивной стальной плиты, преграждавшей путь. Стоило мне приблизиться, как плита с тихим шипением, словно змея, скользнула в стену. Я прищурился от ударившего в глаза белого света и шагнул вперед.

Если предыдущий зал казался мне чистилищем, то здесь разверзлись настоящие врата преисподней. Огромные хрустальные стены, которые должны были быть идеально прозрачными, теперь были густо измазаны багровой слизью и почерневшей кровью. Я видел отчаянные следы ладоней на стекле — люди пытались выбраться, царапая непреодолимую преграду, пока кто-то или что-то рвало их на куски.

Толстые стальные двери, которые местные обитатели называли шлюзами, были вывернуты наружу, словно они были сделаны не из тяжелого металла, а из сырого пергамента. Края разрывов были оплавлены и выгнуты с чудовищной силой. Повсюду валялись изуродованные тела в одинаковых белых одеяниях. Некоторые были разорваны пополам, у других отсутствовали головы, словно дикий зверь просто откусил их на ходу.

Первым делом я подошел к одному из мертвецов, который при жизни, судя по остаткам брони из странного, матового черного материала, был воином или стражником. Его горло было вырвано с корнем, но доспехи на торсе уцелели. Мне пришлось повозиться с непонятными застежками, не имевшими ни пряжек, ни ремешков — они прилипали друг к другу сами по себе. Я стянул с него плотные темные штаны и странную обувь без шнурков, которая обхватила мои ступни, словно вторая кожа. Накинув на плечи его жесткую черную куртку со множеством карманов, я наконец-то почувствовал себя человеком, а не жертвенным бараном. Портные в этом аду никудышные, одежда сидела мешковато, но зато она пахла не только кровью, но и чем-то человеческим — потом и страхом.

Двинувшись дальше по залитому кровью коридору, я вдруг замер. До моих ушей донесся звук, от которого по спине пробежал холодок, куда более пронизывающий, чем мороз этой станции.

Это был плач. Тихий, надрывный женский плач.

Я крепче перехватил рукоять стилета и бесшумно скользнул к источнику звука, прячась за искореженной металлической стойкой. В углу просторного зала, среди разбитых колб с мутной жидкостью, сидело существо. На нем были остатки белого халата. Оно раскачивалось из стороны в сторону, обхватив голову руками.

Некоторые зараженные: плачут, повторяют последние слова, просят помочь.

— Простите... — всхлипывало существо совершенно отчетливым, полным невыносимой боли женским голосом. — Протокол нарушен... Я не хотела... Мама, мне так больно... Закройте дверь... Пожалуйста, закройте дверь...

В груди что-то болезненно сжалось. Я видел сотни смертей, видел женщин и детей, рыдающих на руинах своих сожженных домов, но этот голос, звучащий в идеальной акустике стального склепа, пробирал до костей. Одно дело рубить вопящих сарацинов или рычащих мутантов, и совсем другое — добивать того, кто плачет и зовет мать.

— **Requiem aeternam dona eis, Domine,** — тихо начал я заупокойную молитву, опустив лезвие и делая шаг навстречу несчастной. — **Et lux perpetua luceat eis...** Пусть Господь простит твои грехи, женщина. Я помогу тебе.

Услышав мой голос, существо мгновенно замолкло. Раскачивание прекратилось. Медленно, с омерзительным хрустом позвонков, оно повернуло ко мне голову.

Молитва застряла у меня в горле. У существа не было лица. Точнее, от нижней челюсти и до самых ключиц мясо было содрано, обнажая пульсирующий, светящийся изнутри фиолетовый нарост, из которого росли тонкие, похожие на жвала многоножки, щупальца. И именно этот чудовищный орган, вибрируя, идеально имитировал человеческий голос. Глаза же, налитые черной кровью, смотрели на меня с холодной, расчетливой и абсолютно нечеловеческой злобой.

Оно не страдало. Оно заманивало.

Тварь метнулась ко мне с места, без замаха и подготовки. Она двигалась смазанно, как бросок кобры. Я едва успел уйти с линии атаки, крутнувшись на пятке. Когти, длинные и изогнутые, как серпы жнецов, со скрежетом распорили металл стойки там, где секунду назад была моя грудь.

Инерция броска пронесла тварь мимо меня. Я тут же перенес вес на переднюю ногу, выкидывая руку со стилетом в коротком, безжалостном выпадке. Светящееся лезвие с влажным чавканьем вошло под ребра чудовища. Тварь завизжала — на этот раз не человеческим плачем, а оглушительным, режущим слух поросычьим визгом. Она попыталась развернуться, чтобы достать меня когтями, но я, навалившись всем телом, провернул нож в ране, распарывая внутренности, и резко ударил ее тяжелым окованным ботинком под колено.

Кость хрустнула, тварь рухнула на пол. Я не дал ей шанса опомниться — наступил на спину, придавливая к металлу, и двумя руками вбил стилет прямо в центр позвоночника. Визг оборвался, тело дернулось в последней конвульсии и замерло, распространяя едкий запах аммиака.

Я тяжело выдохнул, вытирая пот со лба рукавом черной куртки. Демоны, которые притворяются плачущими девами. Этот мир был хуже любого ада, описанного в священных текстах.

— Твои подземелья полны сюрпризов, Мельхиор, — мрачно бросил я в пустоту, зная, что машина слышит меня. — В следующий раз, когда услышу молитву, буду бить первым.

— *Рациональный подход. Эмоциональные реакции снижают шанс на выживание на семьдесят три процента,* — бесстрастно отозвался голос в моей голове. — *Продолжайте движение прямо.*

Я перешагнул через труп и углубился в лабиринт стеклянных комнат. Вскоре коридор привел меня к тупику. Перед массивной переборкой, разрисованной желтыми и черными полосами, лежал еще один растерзанный стражник. Рядом с ним, в луже загустевшей крови, покоился тяжелый металлический ящик, крышка которого была сбита.

Я опустил на одно колено и заглянул внутрь. В специальном углублении из серой пористой мякоти покоилось оно. Я осторожно достал предмет. Это было длинное, увесистое оружие из матового черного металла. Оно напоминало арбалет или тяжелую пищаль, но не имело ни дуги, ни тетивы. Снизу торчал странный рожок, а возле рукояти виднелся привычный спусковой крючок. Оно было холодным, грозным и идеальным по балансу.

Я провел пальцем по гладкому металлу. На боку были выбиты мелкие символы, которые мой измученный мозг не смог разобрать. Но я интуитивно понимал, как его держать. Приклад удобно лег в плечо.

— Что это за дьявольская труба? — спросил я.

— *Аварийный кинетический подавитель. Использует разрывные снаряды с вольфрамовым сердечником. Способен пробить обшивку легкого транспортника.*

— Значит, тяжелая ручная пушка, — хмыкнул я, проверяя пальцем спусковую скобу. Оружие придало мне уверенности. Оно было осязаемым, понятным. Оно несло смерть на расстоянии. — Отлично. Посмотрим, как твои плачущие ублюдки станцуют под грохот этой штуки. Веди дальше, Мельхиор. Кажется, я начинаю входить во вкус.

Глава 5 — «Протокол карантина»

Я взвесил тяжелую черную трубу в руках. Железо было холодным, матовым и не бликовало в режущем белом свете коридоров. Эта штука была тяжелее хорошего арбалета, но баланс оказался на удивление идеальным — основная тяжесть ложилась точно над той рукой, что сжимала рукоять. Я осторожно провел пальцем по металлу, ища привычные детали. Ни тетивы, ни ворота, ни кресала, ни полки для пороха. Только спусковой крючок в защитной скобе да длинный короб, торчащий снизу, словно огромный стальной рожок.

Я нажал на неприметную защелку возле спусковой скобы, и нижний короб с сухим металлическим щелчком выпал мне прямо в подставленную ладонь. Внутри, туго поджатые пружиной, блестели толстые, заостренные медные цилиндры. Снаряды. Значит, это все-таки самопал, ручная пушка. Я с силой вогнал рожок обратно до щелчка, удовлетворенно кивнув самому себе. Оружие, которое убивает на расстоянии и не требует от тебя выходить на дистанцию удара мечом — это подарок небес, особенно когда твои враги обожают рвать глотки когтями.

— Ладно, Мельхиор, — произнес я вслух, зная, что невидимый соглядатай слышит каждое мое слово. — У меня есть твоя пушка. Теперь давай начистоту. Где здесь главные ворота? У каждой крепости есть выход. Открой его, и я покину твою проклятую цитадель.

Голос машины отозвался в моей голове мгновенно. Все такой же ровный, мертвый, лишенный малейшего намека на человеческое сочувствие.

— *Это невозможно. Объект Лазарь переведен в режим абсолютной изоляции. Иницирован протокол карантина.* ИИ объясняет правила: станция полностью заблокирована. — *Внешние шлюзы запечатаны бронеплитами. Системы связи с внешним миром физически отключены.* Никто не может покинуть ее.

Я заскрежетал зубами.

— Карантин. Знакомое слово. В Марселе, когда туда завезли черную оспу, городские власти тоже устроили карантин. Они просто заколотили городские ворота и поставили на сте-

нах лучников с приказом стрелять в каждого, кто попытается выйти. А потом ждали, пока все внутри не передохнут или не сожгут друг друга. Ты хочешь сказать, что мы в такой же клетке?

— *Аналогия примитивна, но структурно верна,* — скрежетнул голос в затылке. — *Заражение классифицировано как угроза высшего, планетарного уровня. Если заражение выйдет из-под контроля — станция будет уничтожена*. *Реакторный отсек перейдет в режим критической перегрузки, и весь комплекс будет испарен в термоядерном огне. Это абсолютная мера сдерживания.*

Я прислонился спиной к холодной стене, медленно переваривая услышанное. Испарен в огне. Значит, этот железный дух сидит на бочке с порохом и готов поднести фитиль, если крысы разбегутся слишком далеко.

— И что требуется от меня в твоём плане, дух? Зачем ты вообще ведешь со мной беседы, если мы оба покойники?

— *Я анализирую вероятности. До вашего пробуждения шанс успешной локализации инфекции составлял ноль целых и две тысячных процента. Теперь он возрос. Ваша задача — физическое устранение биологических угроз в ключевых узлах станции.*

— *Восстановите контроль над системами безопасности, и я отменю протокол самоуничтожения.*

Я хрипло рассмеялся. Смех гулким эхом отразился от окровавленного стекла разбитой лаборатории.

— Наемник. Ты снова сделал из меня наемника. Я думал, что умер и попал в ад, а оказалось, что я просто нанялся на службу к самому уродливому сеньору в моей жизни. Но почему я? Ты говорил, здесь был гарнизон. Я видел мертвых солдат в доспехах. Если твои чудовища разорвали их на куски, что сделаю я, человек с одной лишь пушкой?

— *Ответ кроется в вашей биологии,* — бесстрастно отозвался Мельхиор.

— *Мои сканеры завершили глубокий анализ вашей крови, пока вы находились в ста-зис-капсуле. Биохимия людей этой эпохи оптимизирована для стерильных сред. Их тела забыли, как бороться с агрессивными патогенами на клеточном уровне. Они уязвимы. Ваша же система защиты функционирует в состоянии постоянной, перманентной войны. В вашей крови обнаружены следы десятков перенесенных инфекций, от тяжелых отравлений до штаммов чумы. Ваш организм — это выжженная земля, на которой патоген не может закрепиться.*

Я нахмурился, пытаюсь облечь его слова в понятные мне смыслы. Стерильные среды. Патогены.

— Хочешь сказать, что эти людишки, построившие этот хрустальный замок, подошли потому, что слишком часто мыли руки? — усмехнулся я, потирая заросший жесткой щетиной подбородок. — А я выжил, потому что пил воду из гнилых колодцев и спал вповалку с тифозными больными?

— *Это крайне упрощенная, но фактически точная формулировка.*

Я перевел взгляд с заляпанных кровью стен на свои загоревшие руки, покрытые старыми шрамами и вьёвшейся грязью, которую не смогла отмыть даже колдовская купель этой станции. Моя кровь — это война. Мое тело — это доспех, выкованный в грязи и страданиях, к которым эти изнеженные хозяева не были готовы.

В душе шевельнулось давно забытое, почти благоговейное чувство. Все эти годы я сомневался в Его замыслах. Я проклинал небеса за каждую лихорадку, за каждую гнойную рану, за то, что мне приходилось жрать червивое мясо, чтобы не сдохнуть с голоду во время осад. Я думал, что Бог просто отвернулся от нас, бросив в выгребную яму истории.

Но теперь... теперь я видел в этом смысл. Каждое испытание, каждая болезнь, каждая капля пролитой крови и пота готовили меня именно к этому моменту. К этому проклятому железному замку на краю света.

— Господь хранит меня, — тихо произнес я, и эти слова, впервые за много лет, прозвучали не как издевка, а как непоколебимая истина.

— Что ж, железяка. Твои хозяева мертвы, но мой Командир все еще отдает приказы.

Я передернул странный затвор на боку пушки, повинувшись интуитивному порыву. Внутри оружия что-то тяжело и угрожающе лязгнуло. Звук был сродни удару кузнечного молота по наковальне — резкий, властный.

— Веди меня в свой следующий зал, Мельхиор, — сказал я, шагая через лужу крови к полукрытому шлюзу в конце коридора. Оружие непривычно уперлось прикладом в плечо, палец лег на спусковую скобу. — Кажется, пришло время устроить этим тварям настоящую зачистку. Будем лечить скверну так, как это делали в мое время. Огнем и сталью. И если твоя труба не врет, то огня у нас будет достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.